

Ирина Юсупова

Научи себя любви

Серия "Сказки для тётек"

Ирина Юсупова
Научи себя любви...

«ЛитРес: Самиздат»

2003

Юсупова И. Н.

Научи себя любви... / И. Н. Юсупова — «ЛитРес: Самиздат»,
2003

В серии "Сказки для тётек" есть и обычные люди, и (можете посмеяться!) инопланетяне. И умные, и не очень. Мужчины и женщины. Пожилые и совсем юные. Просто люди, просто МЫ с вами... В них и проза жизни, и мои фантазии. И грусть, и радость. И я очень хочу, чтобы мои "сказки" добавили в вашу жизнь немного улыбок и позитива.....Татьяна практичный человек. То, что природа наделила ее всеми возможными женскими прелестями – не в счет. Все красоты мира, вся романтика и любовь... какой от них прок? Колдовство и волшебство? Да, помируйте! Это чушь, всякий скажет. Она любит цифры и деньги, и у нее есть цель – стать из бедной провинциалки состоятельной москвичкой. ...и никогда бы она не поверила, что смерть прекрасной женщины, произошедшая у нее на глазах, так изменит ее отношение к миру...

Научи себя любви...

– ...А вот замечательный любовно-детективный роман, с элементами мистики и фантастики, по совершенно смешной цене!

"Это то, что надо, – подумала она. – Как раз на два часа хватит. И не буду ни о чем думать..." А вслух сказала:

– Почем ваш романчик? Давайте...

С первых же страниц она поняла, что ее здорово надули. То-то этот коробейник так быстро убежал! Вся мистика и фантастика сводились к тому, что герои временами крестились и говорили "С богом", а детектив, по-видимому, если и развернется, то на последних двух страницах. Сплошные сопли. "Ее ресницы затрепетали... Он заиграл желваками... Ее высокая грудь вздымалась... Его ноздри вздрагивали..." Тьфу. Она терпеть не могла такую литературу. Уж лучше "Спид-Инфо" купила бы! Да, ладно... Может еще чего разносить будут. Сейчас в электричках этого добра много.

Тогда она стала смотреть в окно. Лучше бы, конечно, на людей, это интереснее! Но пассажиров почти не было. В конце вагона о чем-то оживленно беседовали две бабули, а посередине сладко посапывал пьяненький мужичок... Погода была чудесная, утро воскресенья, домой еще никто не собрался...

Ее отпуск, едва начавшись, уже закончился. Провела дома только три дня, довела до "скорой" мать, и поняла, что лучше уехать. Ну, не может она там жить! Все плохо и все не так! А тут еще мать с этим своим женихом. Нет, ну, смех сквозь слезы! "Совершенно случайно" зашедший прилизанный и разодетый мужик с вином и тортом! Наверно, весь город был в курсе этой "случайности"!

Да, вроде бы родной город... Хотя, какой там город? Городишко. Городушечко. Городу-лечко. Может, когда-то ему и дали статус города, когда людей было побольше. А сейчас что? Все разбежались. Кто в Москву, кто еще дальше. Да и что там делать? Две реальные работы для всего населения – молокозавод и птицефабрика. А если она не хочет быть ни дояркой, ни птичницей? Тогда – сфера обслуживания, куда пробиться очень и очень непросто, все места уже давно разобраны! И вообще... Она просто хотела быть москвичкой. Сидел в ней этот дурацкий комплекс провинциалки, и все тут. Хотела быть москвичкой и вместе с тем ненавидела этих самых москвичей до чертиков! Ну, где справедливость? Им все. Театры и институты, музеи и магазины, выставки и вернисажи, кино и просто все развлечения! И пусть любой нормальный человек не так-то уж и часто туда ходит, но само сознание того, что все это рядом! А как сходить в театр, если потом домой надо два с половиной часа на электричке ехать? Вот то-то и оно...

В Москву она влюбилась в пять лет. Тогда родители впервые повезли ее туда на какой-то праздник – то ли Первомай, то ли День Победы. Музыка, цветы, вкусное мороженное, нарядные люди! Все это произвело на нее такое впечатление! А вечером – иллюминация и салют. Они смогли это посмотреть, потому, что на ночь их согласились приютить какие-то дальние родственники. И вот еще тогда, в таком нежном возрасте, она сказала себе: "Я буду жить только в Москве. Вырасту, и обязательно буду жить в Москве!" Тогда она, конечно, очень смутно себе представляла, как это все получится, но цель появилась. А уж упрямства ей было не занимать!

А потом, тоже довольно рано, классе в шестом, она начала вполне по-взрослому думать – как же ей зацепиться за Москву? Выйти замуж? Хорошо бы! Но это счастливый случай, и на него не очень-то нужно рассчитывать. А что реально? По лимиту? Ну, уж нет! Наслушалась она рассказов о бесконечной погоне осликов за той самой «морковкой-квартирой»! Значит, квартиру нужно купить. Благо, сейчас это возможно. Деньги... В ценах она разбиралась прекрасно, столько риэлтерских журналов перелопатила! Даже если продать их вообще-то еще довольно крепкий дом, денег едва хватит на однокомнатную квартиру. И как она там будет

жить? С матерью и с все чаще и чаще пьяным отцом? Увольте. Да, и не согласятся они ни за какие деньги. Вот уж, воистину, фанаты этого чертового городишки!

"Значит, нужно пробиваться самой", – решила она для себя. Но как? Поступить в институт? А конкурс? Да иногородним еще плюс дополнительные баллы за общагу! А училась она не очень... И не потому, что ленилась. Просто не получалось. Единственное, что хорошо шло, так это математика. Какой замечательный предмет! Ни абстракции, как в физике, ни воображения, как в литературе! Все четко, логично, понятно. Так приятно работать с цифрами, выстраивать простые и правильные цепочки доказательств! И где же нужна только математика в чистом виде? Она сама решила для себя – бухгалтерия. Да и профессия очень и очень востребованная. И хорошо оплачиваемая.

С большим боем отвоевала у родителей свое двухгодичное обучение – курсы в Москве были престижные и дорогие. Но после окончания этих курсов действительно реально трудоустроивали, она все разузнала. Родителям она, конечно, не говорила, что хочет всеми правдами и неправдами остаться в Москве, и они думали, что она будет работать дома...

...Как ей далось это обучение, представить сложно... Почти по шесть часов в день тратить на дорогу, это не всякий выдержит! Но только не она. У нее была цель – Москва. В электричках она занималась. Учила счета и проводки, штудировала бухгалтерские журналы, читала умные книжки по предмету.

И вот, наконец, распределение... И ее, самую лучшую из учащихся, никуда не брали! Москвичи, москвичи... Везде требовались одни только москвичи! Или предлагали такой оклад, который бы весь уходил на оплату дороги. Снять комнату? Опять заколдованный круг. Ведь тогда все деньги уйдут на оплату этой комнаты...

Что делать? Сдаться? Остаться в городишке? Ну, нет! Она упрямая. И на очередном собеседовании она не стала говорить всю правду. То есть, она сказала, что живет не в Москве, но только умолчала, что это так далеко. Отмахнулась, как будто все должны знать: "Да это же совсем рядом!" Зам. директора, которая с ней говорила, не знала, где этот самый их городишко. И на вопрос – далеко ли, ответила: "Да как через Москву, ближе даже!". Та не заострила на этом внимания, и первая преграда была пройдена. А вот вторая... Директор, усмехнувшись, дал ей автомобильный атлас:

– Покажите.

Она, заливаясь краской, нашла нужную страницу. Директор, прищурившись, наблюдал за ней, и когда она вернула раскрытый на нужной странице атлас, опять усмехнувшись, спросил:

– И как же вы собираетесь ездить оттуда? Нам нужны полноценные работники, а не измученные поездкой еще до начала рабочего дня.

– Я попробую снять комнату... – пролепетала она.

– И на что жить будете? Ваш оклад пока не подразумевает таких трат. Может, потом... О вас очень хорошие отзывы на курсах. Но не сразу!

Она уже готова была зареветь, еле сдерживалась, когда он вдруг сказал:

– А впрочем... На первых порах я могу помочь. У меня есть квартира. Свободная. Могу пока уступить.

Она посмотрела на него и все поняла. И согласилась. Что ж... Ее не убудет. Да и мужик он, вроде, ничего... Не такой уж и старый, и не такой уж и противный... Как говорить, стерпеться-слюбится.

...Стерпеться-то стерпелось, но уж, конечно, не слубилось... Слава богу, он этого и не хотел. Приходил не часто, требовал не много... Однажды задумчиво сказал:

– Странная ты, Татьяна. Вроде все при тебе – красивая, умная... фигура... Все. А чего-то нет. Все желание пропадает...

– А пропадает – не ходи, – усмехнулась она.

Он только вздохнул, оставил денег, как всегда, ушел...

Деньги она яростно копила. Отказывала себе во всем, экономила на чем только можно. И вот, наконец-то, набрала на крошечную комнату в огромной коммуналке. Купила. Оформила все как надо. И сразу же объявила об этом директору. Думала, рассердится, потребует денег за то, что жила в его квартире... Или вообще уволит.

Нет. Показалось, что даже обрадовался:

– Что же. Я рад. Характер у тебя железный! Да и работник ты великолепный. Я думаю, как Нина Матвеевна на пенсию пойдет, а она в сентябре собирается – тебя главбухом сделать. Ей уже сказал, с завтрашнего дня вы будете вместе работать, она тебя будет во все последние тонкости посвящать.

Что же, это ее очень устраивало! И зарплата больше, да и работа ее ей нравится. И как это люди могут не любить, и тем более, не понимать бухгалтерию? Все так понятно и просто. Где что убыло – где-то должно прибыть. Отсюда взяли – сюда перевели. Все четко, ясно. Все до копеечки. Налоги? Сложности? Обойдем. Надо только знать как. И чтобы все по закону. А она и знает как, и как по закону. У нее всегда и во всем полный порядок.

С директором они больше не встречались. Но он часто давал ей "подработать" на клиентах фирмы. Все было по обоюдному согласию. Вызывал, говорил, что будут такие-то, нужно быть поласковее, если пожелают. У нее был один ответ-вопрос:

– Сколько?

– Ох, и любишь ты деньги, Татьяна, – усмехался он.

– А что же, мне этих козлов любить что ли?

– Так уж все и козлы? – удивлялся он.

– Если готовы покупать девок за деньги – значит козлы.

– А сегодня, между прочим, очень симпатичный и молодой будет. Приглядишься... И богатый. ...Ты красавица, понравишься обязательно!

– Женатый?

– Какая разница?

– Женатый?

– Да, вроде. Так ведь...

– Значит, козел, – уверенно говорила она.

А ей нужен был не женатый и с квартирой. А еще лучше, если бы он эту квартиру ей подарил. Тогда может быть хоть женатым, хоть козлом, хоть и тем и другим одновременно. И какой он при этом будет – молодой, красивый или наоборот, ей было абсолютно наплевать. Она опять копила деньги и теперь уже на квартиру...

...Вот так сидела, перебирала всю свою нехитрую жизнь в уме... И все из-за того, что книжка никак не читалась. Начала смотреть в окно. Рядом с рельсами проходила автомобильная дорога. Она лишь иногда сворачивала в лес, но в основном шла почти параллельно.

...Черную мощную машину она заметила уже давно и удивлялась – ведь та давно бы могла обогнать поезд! А машина, словно выжидала чего-то, ехала за ними совершенно не торопясь...

На следующей станции в вагон вошла молодая женщина. И как она очутилась в электричке? Такие обычно ездят в дорогих иномарках. Она была просто роскошна. С густой гривой белокурых волос, с огромными бледно-зелеными глазами, с такими фигурой и лицом, что захватывало дух! И одета была так, что хоть сейчас на подиум! Бабульки в углу удивленно замолчали. А женщина была растеряна. Она оглянулась по сторонам, осмотрела всех, кто был в вагоне, увидела ее и решительно направилась прямо к ее купе. Села напротив и, казалось, хочет о чем-то попросить...

Но тут вдруг поезд остановился на станции, к которой автодорога подходила вплотную. Эта была одна из немногих таких станций, обычно перед платформами дорога уходила куда-то в объезд. Из машины выбежал мужчина и, почти перед закрытием дверей, запрыгнул в поезд. И тоже вошел в их вагон. Женщина побледнела. Он подошел к ней, опустил на колени и, заглядывая снизу в глаза, сказал тихо и горько:

– Убежать хотела? Зачем...

– Тася, не надо... Что ты от меня хочешь?

– Все. И ты это знаешь.

– Я не могу. И ты тоже знаешь – почему...

– Это твое последнее слово?

– Да.

– Что ж, нет, так нет... Но я хочу, чтобы ты навсегда осталась именно такой! Как сейчас! Ты не оставила мне выбора! Прощай.

Мужчина вынул маленький пистолет, приставил его прямо к солнечному сплетению женщины и выстрелил три раза... Та, прошептав, видимо уже в бреду: "Серебро...", стала оседать на скамейку... Мужчина сидел рядом, держал ее руку и прижимался к ней щекой... Плечи вздрагивали... Потом встал, поцеловал женщину в губы, и, наконец, оглянувшись вокруг, остановил свой взгляд на Татьяне. Она, уже мысленно простившись с жизнью, сидела спокойно. Но тот вдруг стал пристально и странно смотреть ей в глаза... У нее все поплыло...

...Очнулась она от того, что женщина теребила ее за руку:

– Очнитесь, очнитесь...

Она сразу вскочила:

– Вы живы?! Сейчас, я позову кого-нибудь по переговорному!

– Нет, не надо... Не поможет... – женщина полулежала на скамейке, кровь, уже сильно пропитав светлое дорожное платье, стекала на пол... – Дайте вашу руку... И посмотрите на меня... В глаза! Пожалуйста...

– Да ведь нужно кого-то позвать!! – она опять собралась было бежать, но женщина удержала ее за подол.

– Я умоляю... Сядьте рядом... Дайте руку... Посмотрите на меня... В глаза... в глаза...

Что-то в ее словах заставило послушаться... Очевидно, это была последняя просьба умирающей! Женщина смотрела ей в глаза, держала за руку... Потом начала что-то тихо шептать... Она не могла понять – что. Очень тихо и очень неразборчиво... Ее бледные глаза, казалось, заполняют собой весь вагон... Она растворялась в них словно в тумане...

...А очнувшись от сильного запаха нашатыря. Женщина лежала рядом и была уже мертва. Еще в вагоне появилось много новых лиц: милиционер, сестра, сующая ей вонючую вату в нос, какие-то люди в штатском, фотограф... Бабульки, которые всю дорогу болтали в дальнем углу вагона теперь стояли совсем рядом, изредка крестились и тихонько причитали. Пьяный мужичок сидел на своем месте, но теперь не спал, а, хлопая осоловевшими глазами, смотрел вокруг. Вагон стоял. За окном она увидела скорую и две милицейские машины. Черной большой машины, преследовавшей их всю дорогу, не было.

...Молоденький веснушчатый лейтенант никак не хотел верить, что она ничего не скрывает:

– Как же так ничего не помните? Ну, хоть в чем был одет, какой из себя?

– Я испугалась, – она уже в сотый раз повторяла одно и то же. – Да и от крови плохо стало!

– Женщины не должны бояться крови, – лейтенант изображал из себя Шерлока Холмса, сосредоточенно хмурил белобрысы брови и пытался сделать вид, что мыслит по методу дедукции. – Им это по природе не положено.

– Я не знала, что не положено, – устало говорила она. – Если бы знала, то, конечно же, не испугалась бы!

– Хорошо. Давайте по порядку. Какая была машина? Что за марка?

– Да не разбираюсь я в машинах! Большая, черная. У нас, кажется, таких не делают.

– Джип?

– Может и джип, не знаю.

– Номер?

– Послушайте! – она все-таки возмутилась. – Вот вы сами! Вы что, ВСЕ номера ВСЕХ встречных машин помните? Нет? А ведь вам это по работе положено! А чего же от меня хотите?

– Не изо всех машин выскакивают убийцы, – назидательно сказал лейтенант, поднял палец и очень хотел казаться старше, чем он есть.

– Так я не знала, что он убийца!!! – она опять возмущалась и повысила голос. – Это потом он убил! А машина была ДО ТО-ГО! И не наоборот!

– Не кричите, – он вдруг улыбнулся. – Фанту хотите? У меня есть... – залез в стол, достал бутылку. Потом встал, взял из шкафа стаканы. – Такая жара... Я Фанту очень уважаю.

Они молча выпили по стакану, потом он смущенно сказал:

– Вообще-то, все равно это дело у нас заберут... Так что готовьтесь отвечать на эти вопросы еще не один раз. Но мне для протокола нужно. И вообще интересно... – он теперь никого не изображал, сидел задумчиво, кусал карандаш. – У нас тут как болото, ничего никогда не происходит. И вдруг такое! И все-таки, ну хоть что-то вы должны были запомнить! Он высокий? Брюнет, блондин?

– Мужчина он, – она даже глаза закрыла, пытаясь вспомнить. – Да, пожалуй, высокий... И, пожалуй, брюнет... Глаза... Нет, не помню... Блестели – помню... Вроде как слезы... И сам, вроде, в черном был... То ли куртка, то ли рубашка... Темная...

– Вот, вот, – лейтенант обрадовался. – Вы, главное, не волнуйтесь, может еще что всплывет? Говорили они о чем?

– Как-то назвала она его странно... Как женщину... Не помню. Только помню, что я удивилась – какое-то женское имя... Еще о каких-то украшениях сказала...

– Украшениях?

– Ну да... О серебряных.

– Может, антиквариат? – он, казалось, уже размышляет вслух. – Ведь не из-за простого же серебра убивать?...

– Может. А еще можно? – она протянула стакан. – Я с вечера ничего не пила и не ела, между прочим. Вот умру у вас сейчас здесь, и допрашивать некого будет!

– Ой, а поесть у меня тоже найдется что! – он опять улыбался и уже смотрел на нее не как на допрашиваемую. – Только будете ли? Вот, – он опять нырнул в стол и достал пачку овсяного печенья. – Самое обычное... Будете?

– Не умирать же с голода, – она вздохнула, видя, как он теперь на нее глядит...

Конечно, посмотреть было на что. Еще тогда, когда она думала как бы ей зацепиться за Москву, были мысли о карьере артистки или фотомодели. И внешность для этого была, и очень даже подходящая. Темно-каштановые волосы, ярко-синие глаза, хорошенькое личико. И фигура непростая. То есть, не тот самый, набивший оскомину, стандарт – 90х60х90, а самый, что ни на есть женственный: стройные длинные ноги, изящные руки, осиная талия, и при этом грудь и попа такие, что у мужиков вставало все, что только вообще могло стоять! Но она, с ее математическим складом ума, прекрасно понимала, что такого добра – много, и здесь тоже нужен или случай, или везение, или чья-то большая и мохнатая лапа. Увы, ничего этого не было. И поэтому она четко, планомерно и без лишних эмоций шла к своей цели.

– ...Ну, хорошо... – лейтенант, уже просто, не изображая никого, продолжал. – И что она вам потом, после выстрелов, сказала? Может, все-таки, назвала его?

– Да нет... Я же говорила. Она держала меня за руку, смотрела в глаза,... шептала что-то...

– Что? Что шептала?

– Да не могла я разобрать! Она бредила. Да и плохо мне уже становилось! Казалось, что ее глаза заполняют весь вагон... Я, между прочим, впервые в жизни видела как человек умирает! А вы все пристаёте с подробностями! Ну, подумайте сами – если бы чего помнила, зачем мне скрывать? Я и ее тоже первый раз в жизни видела.

– Иногда люди, умирая, рассказывают что-нибудь очень важное, – он опять задумался. – Секретные счета, планы кладов...

Она удивленно посмотрела на него, засмеялась:

– Да вам не в милиции надо было работать, а книжки писать! Ну и фантазия! Клады! В наше время!

– Не смейтесь, – он обиделся. – Что, по-вашему, в милиции воображение не нужно? Еще как...

Вообще-то, она и сама себе удивлялась. Память у нее всегда была отменная. А уж, зрительная! Она без напряжения, если надо, могла запомнить целую колонку цифр, могла четко и с подробностями рассказать обо всех счетах и бумагах фирмы чуть ли не годичной давности... И вдруг такое! Неужели, действительно, на нее так подействовало то, что человек умер у нее на глазах? Да еще такая женщина... Все равно странно. Никогда она не замечала в себе никакой сентиментальности. Это не для нее. У нее есть цель, и она своего добьется.

Так они, не выяснив ничего нового, еще достаточно долго потолкли с лейтенантом воду в ступе, и когда он уже подписал ей пропуск, и она была почти в дверях, зазвонил телефон.

– Да. Я, – вяло отозвался он, и вдруг буквально подпрыгнул: – Что?! Как это пропал?!

В трубке уже был отбой. Он тяжело опустился на стул, посмотрел на нее почти жалобно.

– И зачем я только в милицию пошел? Говорил же отец, иди водителем... Все просто... Деньги неплохие...

– Да что случилось? – ей стало жаль его, такой у него был несчастный вид.

– Пропал. Труп. Женщины. Из закрытого морга. В нашем болоте...

Потом все закрутилось, как в хорошем кино. Весь состав небольшого отделения толпился в морге. Ее лейтенант тоже зачем-то прихватил с собой. Все осматривали высокие носилки, на которых до этого лежала женщина, никто ничего не понимал, мужики, иногда забывая о присутствии дамы, выражались покрепче. Потом, конечно, все разбежались, на ходу отдавая распоряжения по рациям, а она, в отличие от всех, заметила еще одну очень странную вещь... Ремни, которыми был пристегнут труп за ноги и тело, так и оставались в тех же положениях, что и в поезде, где его туда укладывали!

– ...Вот и подумайте сами – как такое возможно? – они опять сидели в его кабинете и лейтенант уже не допрашивал ее, а просто беседовал. – Из закрытого помещения, перед носом у четырех людей! ...И почему я в отпуск не пошел?

– В конце концов, все и всегда как-то объясняется, – пожала плечами она. – Наверняка в вашем закрытом помещении есть вторая дверь. Или окна.

– Есть, но она забита, – лейтенант горестно вздохнул. – Я сам проверил. Гвозди ржавые уже сто лет. Никаких следов взлома. А на окнах – не снимаемые решетки...

– Тогда просто через обычную дверь вынесли.

– В скверике, перед входом, сидели четыре человека: водитель, врач и медсестра скорой, сторож. Как все четверо могли ничего не заметить?

– Может, их отвлекли чем-нибудь? – продолжала рассуждать она.

– Да у них все разговоры были вокруг этого! Это же событие-то у нас какое! Ждали патологоанатома из центра. Чем еще их можно было отвлечь? Только разве ядерным взрывом!

– Слушайте! – она вдруг рассмеялась. – Так ведь вам теперь лучше – нет тела, нет дела. Так ведь, кажется, говорят?

– Смейтесь, смейтесь, – он тоже усмехнулся, только печально. – А шишки-то все мне достанутся... И вообще, – он поежился. – Места-то у нас тихие, но нехорошие...

– Это почему?

– Старые люди говорят, – он приблизился к ней и заговорил почти шепотом, – колдовские у нас места...

– Нет, точно, – она опять засмеялась. – Точно, вам писателем нужно быть! Вы что, действительно во всякую мистическую дребедень верите?

– Когда трупы пропадают из закрытых помещений, на глазах у целой толпы совершенно трезвых людей – поверишь, во что угодно!

Домой она приехала только к вечеру. Пока шла по коридору до своей комнаты выслушала все, что о ней думает соседка из пятнадцатиметровой: "Не смей вертеть задом перед моим мужиком! Своего заводи и верти!" Господи... Нужен ей ее пропойца! Потом сосед из двенадцатиметровой попросил денег, как всегда: "Только до завтра!". Она, как всегда, не дала. Потом бабка из двадцатиметровой пристала к ней с жалобой, что у нее кто-то стащил "совершенно новый кусок хозяйственного"... В комнате справа от нее орали близнецы, слева – радио... Да, она теперь москвичка. Но разве можно так жить? Дома она старалась бывать как можно реже, а она так мечтала о настоящей своей квартире, о том, как будет ее обставлять, как будет там жить! Когда, наконец, переделав все необходимые дела, она осталась в комнате одна, мысли, конечно же, завертелись вокруг сегодняшних событий... "Почему я ничего не помню? Вот про бабушек и про мужичка могу все сказать, вплоть до того, какие были у мужика носки, и какие у бабушек косынки... А про убийцу? Ничего... Почему?" Она все опять и опять пыталась вспомнить хоть что-нибудь... Помнила только его глаза. Вернее, не глаза даже, их-то она как раз и не помнила! Просто взгляд. Как он посмотрел, как по коже пошли мурашки, и как она потеряла сознание. Стоп! Вот что... Ведь у женщины был такой же взгляд! Вернее, не совсем такой, более добрый что ли... Но после него она тоже потеряла сознание! Или это все-таки от крови? И еще... Почему никто из этих бравых ментов не обратил внимание на ремни? Нет, ну подумайте сами. Кто-то крадет тело из морга. Его могут в любой момент застукать. А он при этом, после того как вытащил тело аккуратно опять застегивает ремни, теряя при этом уйму времени! Где логика? Она не любила, когда не было логики. Все должно быть в мире правильно и четко. И эти ремни никак и ни во что не укладывались!

...Три дня она занималась домашними делами, стараясь не замечать соседей, а на четвертый встала пораньше, решив весь день провести на пляже, так как погода стояла классная. Поэтому первая залезла в почтовый ящик. Письмо. Ей. Из нотариальной конторы. Посмотрим... Зайти,... на ваше имя,... получение наследства,... по завещанию... Что за ерунда? Все родственники, слава богу, живы. Да и нет ни у кого ничего такого, что можно завещать через нотариуса. Что же, пляж придется отложить. Разберемся-ка с этим наследством.

...Из нотариальной конторы она шла какая-то сама не своя.

Совершенно незнакомая женщина завещала ей после смерти дом и участок в ближайшем Подмоскovie. Какая-то Анна Алексеевна Голенева. Нотариус ничего не смог объяснить. Документы были запечатаны. Он сам узнал имя наследницы только после смерти этой самой Анны. Сколько она не пыталась вспомнить, никого из родственников с такими именами не было...

Поехать к родителям? Нет, успеется. Сначала нужно посмотреть этот самый дом, а потом и решать дальше...

Первое, что ее здорово удивило, так это то, что станция, с которой нужно было добираться до дома, была та самая. То есть ближайшая к тому месту, где все это произошло. "Конечно, совпадение", – сказала она себе решительно и пошла к поселку, благо в завещании план проезда был очень четкий.

Потом она шла по дачному поселку и удивлялась все больше и больше. Поселок был, видимо, престижный. Она не очень разбиралась в этом, ее больше интересовали квартиры в Москве, а не дома в Подмосковье. Но тут сразу было видно – дома все не простые и дорогие, участки большие и красивые. Военная охрана на общем входе, где у нее тщательно проверили документы. И это замечательно. Она уже твердо решила, что если это не ошибка, и дом, действительно, ее, то она, конечно же, продаст его. Продаст и купит квартиру! Свою, собственную! В МОСКВЕ!!!

Вот и этот дом. Она сначала прошла несколько раз вдоль ограды, пытаясь разглядеть, что же там, за кружевным забором. Потом еще раз проверила документы в сумке. И, все-таки волнуясь, достала ключи, открыла калитку...

На участке почти ничего не росло. То есть, ничего такого огородно-дачного. Дом стоял далеко, к нему вела выложенная голубыми плитками дорожка. Вокруг почти лес, только очень ухоженный, словно нарисованный... Она подошла к дому и решила тоже сначала обойти его вокруг.

...Да... Не нужно быть особым знатоком, чтобы понять, что дом дорогой. Кирпичный, с тонированными стеклами, с крышей из настоящей черепицы. Она присела на крылечко, не торопясь входить. Все-таки здесь какая-то ошибка! Не было у них никогда таких богатых родственников. Да и не родственников тоже не было таких. Сейчас она похвалила себя, что не сказала ничего родителям. Уж они-то бы хозяйничали здесь всюю! Хотя и фанаты городишки, да от такого дома не отказались бы! "Вот что, – решила она для себя. – Я буду ждать полгода. Как сказал нотариус. Наверняка кто-нибудь объявится из настоящих родственников. И уж потом все вместе будем всё решать". Она так подумала, потому, что никогда и ничего не только не украла в жизни, но даже и не брала просто так. Все зарабатывала. Пусть иногда не совсем правильно, но ведь это ее дело! И ее тело...

Она все-таки решила войти. Что же здесь такого? Она имеет право, наконец.

...Внутри дом ошеломлял еще больше. С дорогой обстановкой, с удобствами, которых она и в Москве не имела. Зимний сад, сауна, бар, бильярд... Несколько гостевых спален, каминный зал, в подвале небольшой бассейн... Она, совершенно подавленная, вернулась в холл, села на диван. Мысли кончились. Сидела вот так, без мыслей очень долго. А потом появилась первая: "Что-то здесь не так..." То есть не с фактом наследства, а вообще в доме... Ага, вот оно что! Дом, если верить документам, принадлежал очень пожилой старушке, восьмидесятидевятилетней. А вот обстановка! Словно здесь жила молодая и шикарная женщина. Взять хотя бы ее спальню. Там все дышало эротикой. Каждая безделушка, каждый изгиб мебели наводили только на одни мысли, а некоторые даже ее вогнали в краску! Когда она, не удержавшись, заглянула в зеркальный шкаф, у нее захватило дух! Да от таких туалетов у кого хочешь дух захватило бы. Поэтому она, все чего-то стыдясь и боясь, поскорее закрыла его и спустилась вниз. И вот теперь сидела и думала, какой человек в здравом уме может представить себе почти девяностолетнюю бабулю в том самом золотом пеньюаре? Хотя... При таком достатке... Сейчас чего только не делают... Пластические операции, подтяжки, кто знает... Может и мозги научились обновлять?

Так, ничего путного и не придумав, она отправилась еще раз осмотреть участок. ...И здесь была загадка. Судя по документам, здесь было двадцать пять соток. А казалось, что все сто. Это из-за леса или из-за планировки?

Она шла по периметру участка, по ходу рассматривая и дивясь каким-то редким деревьям, названия которым она даже и не знала. Вдоль всего забора густо росла малина, смородина, еще какие-то кусты... В одном месте была большая прогалина и она увидела соседний дом, значительно меньше ее дома, но тоже очень непростой и красивый. Перед домом – лужайка с изумительной яркой травой. А на лужайке – абсолютно голый мужчина. Загорал. Она замерла и быстро, со знанием вопроса, оценила и мускулистое, хорошо сложенное тело, и четкий профиль, ... и все остальное. Мужчина то ли, действительно, так крепко спал, то ли так хорошо притворялся. Но, когда она пошуршала кустами и покашляла, он даже и не шевельнулся. Она перешла к более решительным действиям:

– Здравствуйте!

Он приподнял голову, посмотрел в ее сторону. Потер глаза, пробормотал:

– Кажется, я уснул...

– Здравствуйте, – повторила она. – Я ваша соседка.

Он все еще отгонял остатки сна, смотрел на нее удивленно, ... и не торопился прикрыться.

– Здравствуйте... Соседка? К Анне Алексеевне в гости? – теперь он встал и также, не смущаясь, стоял перед ней.

– Нет. Не в гости, – она усмехнулась. – Вы не забыли, что без одежды? Или вы нудист?

– Без одежды? – он удивленно оглядел себя, улыбнулся, и все равно нисколько не смутился. – Ну, да... Забыл. Извините.

Он поднял полотенце, на котором лежал и опоясался вокруг бедер. Все это он проделал как-то естественно, без суеты и стеснения. И опять спросил:

– Не в гости? Родственница?

– Нет. Ни то, ни другое и ни третье. Наследница.

– Наследница? – он опять удивился. – Это как же? При живом человеке – наследница?

– Послушайте, – она подошла поближе к забору. – Вы ее хорошо знали? Вы не расскажете мне что-нибудь про нее? Я ничего не понимаю...

– Знал? Почему знал? – он нахмурился. – Вы что, хотите сказать... Она что, ... умерла?

– Я ничего не знаю. Меня нашли через нотариуса. Он сказал: "Вскрыли конверт после смерти..." Я ничего понять не могу, – повторила она.

Мужчина нахмурился. Видно было, что искренне расстроился.

– Вот оно что... Хорошая была женщина... Очень... – и потом опять удивленно поглядел на нее. – А как же вы ничего не знали? Она вам дом завещала, а вы не знали? При жизни, значит, знать не хотели, – он криво усмехнулся, – а как до наследства дело дошло...

– Не надо так поспешно судить! – она повысила голос. – Вы же тоже ничего не знаете! Я и сама этого не понимаю, не было у меня никакой родственницы! Поэтому и просила вас похорошему поговорить... А вы... – она развернулась и уже хотела уйти, но он остановил ее:

– Да подождите кипятиться! Ведь, согласитесь, как-то неожиданно... Сейчас... Я по-человечески оденусь и зайду, хорошо? Вы постоитесь здесь.

Он зашел за ближайший куст и вскоре вышел оттуда одетый в обычные потертые джинсы и полосатую майку. Подошел к забору и ловко, как кошка, вскарабкался и перелез через него.

– Так быстрее, – улыбнулся смущенно. – Калитка очень далеко.

– Пойдемте в дом, – попросила она. – Так жарко!

– В дом... – он, казалось, заколебался. – Здесь хорошая беседка есть... Там дальше, за кустами, вы еще не видели?

– Нет, я туда пока не дошла. Все-таки лучше в дом. Что-то меня уже ноги не держат, с утра в пути.

Когда они вошли в дом, он начал оглядываться:

– А ведь я здесь впервые.

– Но... – удивилась она. – Мне показалось, вы знали ее хорошо?

– Вполне. Но вот в дом к себе она никогда не приглашала. Мы чаще всего в той самой беседке говорили. Или, если зимой, она ко мне ходила. Я даже хотел как-то обидеться... – он опять улыбнулся. – Но потом решил, что у старого человека могут быть свои причуды.

– В том-то и дело, у старого... – она обвела вокруг руками. – Посмотрите, похоже это на жилище старого человека?

Он стал внимательно рассматривать огромный холл, в котором они находились. И, хотя, это был только холл, а не спальня, его удивление все росло. Она же в это время рассматривала его. Чем-то его облик напоминал канонический образ Иисуса. И возраст примерно тот же. Темные удлиненные волосы, небольшая бородка, четкий профиль... Хотя фигура, пожалуй, поспортивнее. Вот только глаза... Глаза у него были разные и, видно поэтому, странные. Она это еще на улице заметила. Один, действительно, "канонический" – голубой и чистый. А другой – серо-зеленоватый, мутный и неприятный.

– Да... – он задумчиво обернулся к ней. – Интересно. Вот ведь, сколько жили бок о бок, а я и не знал, что Анна Алексеевна увлекается абстракцией, – он кивнул на картины, развешанные по стенам. А потом засмеялся: – И не просто абстракцией, а мистико-эротической, так можно сказать... – и потом опять нахмурился. – Вы что же, не знаете даже, как она умерла? Вроде, такая бодрая была, энергичная...

– Ничего я не знаю. Вызвали к нотариусу, подписала кучу бумаг, дали ключи, адрес... Даже платить ничего не пришлось, все уже было уплачено заранее. Ничего я сама не понимаю...

– А ваши родители? – опять удивился он. – Кому, как не им знать! Что они говорят? Может, просто, по каким-то причинам, скрывали от вас эту родственницу?

– Знаете, я не могу доказать, поверьте так, – она тяжело вздохнула. – Мои родители такую родственницу никогда бы не забыли и не скрыли. Поэтому я им ничего даже не сказала пока. Вообще, я решила ничего не делать. Подожду полгода, может и больше, кто-то да объявится из настоящих родственников? А если нет, тогда и продавать...

– Продавать?! – он ошеломленно посмотрел на нее. – Такой дом? Продавать?! Да вы что?!

– Мне квартира нужна. В Москве. Я в коммуналке живу. Недавно москвичкой стала.

– Какая квартира?! У вас теперь такой дом!

– А я в Москве хочу, – сказала она упрямо. – Не хочу в деревне жить.

– В Москве?! – он засмеялся. – Да,... ну вы даете... Да что там хорошего, в этой дымовухе? А здесь...

– А здесь у меня не хватит средств, чтобы содержать даже десятую часть этого дома! Вот только как продавать? Страшно. Я с такими деньгами никогда не имела дела.

– Одумайтесь! – он говорил так же оживленно. – Продать всегда успеете! Ведь можно еще и сдавать. И расходы окупятся, и еще вам немало останется!

– Ладно, это все потом... Вы мне рассказать про нее хотели... Ну, про Анну Алексеевну...

– Рассказать... – он задумался. – Знаете, а ведь рассказывать особенно нечего. Я здесь живу всего пять лет. Мне этот дом приятель продал. Он в Америку уехал, насовсем, хотел вообще так отдать. Но я все-таки ему кое-что вручил, почти символически. Заработал тогда неплохо...

– А вы кто?

– Художник. И реставратор. Даже больше реставратор, – он улыбнулся. – Во всяком случае, если судить по заработанным деньгам. Так вот... Анна Алексеевна... Я, честно говоря,

думал, что не она тут хозяйка. Хоть я здесь, внутри и не был, но издалека видно, что это за дом. Думал, живет, за порядком наблюдает. Сейчас так многие делают. Ну, вроде управляющей, экономки. Спросил пару раз кто хозяева, она ушла от ответа... Я больше и не пристаивал.

– А кто еще здесь бывал?

– Я как-то и не любопытствовал... Да и для этого нужно на дорогу выходить и смотреть – кто там и к кому приезжает, ведь от меня не видно!

– Ну, а еще? Что еще вы можете о ней рассказать?

– Очень хорошая была женщина. Интеллигентная, грамотная. Веселая. Добрая, – он задумчиво смотрел в одну точку. – Мир она словно осязала, чувствовала... Природу... Так с ней приятно поговорить было... Картины мои смотрела, и советы очень дельные давала, словно сама только что от мольберта...

– Природу... – она усмехнулась. – Что ее чувствовать? Какой прок?

Он удивленно посмотрел на нее:

– Прок? Пожалуй, никакого... Просто красиво. Да, самое главное забыл – она была великопной травницей. Столько всего знала! Вот здесь, действительно, был прок. Вот мой глаз, заметили уже, да? – он показал на мутно-зеленый.

– Что с ним?

– Он раньше нормальный был, как и правый. А потом я одним раствором нечаянно себе в него попал. Все. Слепота и навсегда. Все врачи отказались. Конечно, второй еще оставался,... но все же. А она вылечила. Вот цвет только изменился, – он улыбнулся. – Жуть какая-то, прямо детей пугать... Но главное – вижу! И даже без очков.

– Да, это, действительно, здорово... – она тоже задумалась. – Только я, если честно, все-таки, больше врачам верю! Ну, и что же еще?

– Еще... – он опять задумался. – Она очень много всяких легенд, сказок и историй знала... Эх, жалко не записывал! Они у нее такие нетрадиционные были! Не на что не похоже. И рассказывала она их странно. Будто все это на самом деле было. Рассказывает, а сама поглядывает лукаво – хочешь – верь, хочешь – нет... Жалко, очень жалко ее... – подытожил он и опять вздохнул: – Где хоть она похоронена?

– Не знаю. И нотариус не знает. Просто ему уведомление о смерти пришло.

– А вдруг ошибка? – он загорелся надеждой, но потом опять сник. – Хотя вряд ли... Я уже и сам стал думать – где же она? Никогда так надолго не пропадала...

– А вы все время здесь живете?

– Почти. Редко в Москву выбираюсь, по делам в основном, да за реактивами.

– У вас там квартира? – она оживленно и с интересом посмотрела на него.

– Да, – он усмехнулся. – Двухкомнатная. Никто, кроме меня не прописан, – он уже просто иронично смотрел на нее. – Ведь вас это интересует?

Она прищурила глаза, и теперь уже зло посмотрела на него.

– Вам этого не понять. Вы, москвичи, не знаете, что значит по шесть часов тратить на дорогу, что значит ночевать на вокзале после театра, что значит ради работы жить с кем попало!

– Простите... – он улыбнулся виновато. – Но разве там... ну, где вы родились, так уж плохо? Почему Москва?

– Да там такое же захолустье, как здесь! Лес, водохранилище, поля... и больше ничего!

– Значит, там здорово... – довольно констатировал он. – Наверняка церкви есть старые, строения. Все в мире не так... Вот вы живете там и бежите в Москву, другие, как я, например, бегут из Москвы...

– Как же, как же! – она все еще злилась. – А квартиру-то, все-таки, не продали!

– Все-таки не продал, – он опять улыбнулся. – Но все еще впереди!

Они замолчали оба, думая каждый о своем, потом она то ли спросила, то ли утвердила:

– Я думаю пока здесь остаться. У меня отпуск. Ведь это ничего?

– Я думаю – это замечательно, – он посмотрел на часы. – Ох, ты, заболтался я с вами! У меня там один раствор готовится,... извините, убегаю!

– Пойдите! – он уже был в дверях, задержался, обернулся. Она же вдруг почему-то смутилась. – Вы вечером свободны? Давайте помянем Анну Алексеевну... Да и еще может, что вспомните?

– Хорошо, – он опять посмотрел на часы. – После восьми я совсем свободен. Устроит?

– Конечно. Да, если вы не один,... ну, жена, родные,... приходите все!

– Нет, один, – он посмотрел сбоку, со стороны своего страшного глаза. – Кто же за меня «замуж» пойдет? – засмеялся: – Бояться...

Когда он ушел, она с досадой подумала, что даже не узнала как его зовут, да и сама не представилась... И, главное, опять ничего не прояснилось! Ну и пусть. Действительно, надо пожить здесь. Если кто и приедет из родственников, то, конечно же, сюда.

Пошла в магазин, который заметила еще когда только шла от станции. И по дороге опять думала о "соседе", так пока она его называла. Что-то и в нем было не так... Не глаз, здесь все понятно... Вот что. Он, пожалуй, единственный из всех ее знакомых мужчин, говорил с ней просто как с человеком! Все мужики сразу же начинали шарить по телу глазами, спрашивать молча, ждать намеков... Она усмехнулась. Вот ведь до чего дошло! Когда человек ведет себя нормально – это ее уже удивляет! И даже обижает. Что же, она ему не понравилась? Или он не по женщинам специализируется? Хотя,...кто их разберет, художников?... У них свой мир.

Готовила она вкусно и быстро. Даже блинов успела напечь, все как полагается. Кухня была восхитительная. Только она во всем сразу, конечно же, не успела разобраться. Столько техники! И поэтому она, по старинке, пользовалась только плитой. В шкафу, в гостиной нашла все необходимое для стола, накрыла его, села ждать. Сосед пришел немного раньше. Опять со стороны забора. Одет теперь был более цивильно – темные брюки и шелковая, тоже темная рубашка. Принес с собой какую-то странную бутылку. Как будто кривую, и как будто пыльную...

– Вот, – протянул ей. – К столу.

– Спасибо, только я всего купила... Да, меня Татьяна зовут, давайте хоть познакомимся, – она протянула руку.

– Юля, – он взял ее руку и поцеловал, чем здорово удивил ее.

– Как?

– Ну, Юлиан, вообще-то,... но так как-то проще. Или Юлий, как хотите. Учудили предки... – он засмеялся.

– Могли бы поменять, если не нравится.

– Нет, не хочу, – он задумался. – Да и зачем? Разве это что-то изменит? Я думаю нет... Хотя, вот Анна Алексеевна, как раз, говорила, что имя во многом определяет жизнь человека. Мы ведь о ней будем говорить, да?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.